

“ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ” РЕЖИМ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

И.В. Бартенева – соискатель

Предлагается новый взгляд на практику введения в отдельных районах или на всей территории Туркестана положения “усиленной” или “чрезвычайной” охраны, существовавшей как стабилизирующий фактор в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: военно-административный режим; Туркестан; положение “усиленной” или “чрезвычайной охраны”; царская администрация; колониальная политика.

Все общественно-политические процессы в Русском Туркестане невозможно понять без учета такого фактора, как введение на всей

территории края или же в отдельных его районах положения “усиленной” или “чрезвычайной охраны”.

Основополагающим документом, введшим институты “усиленной” и “чрезвычайной” охраны в Российской Империи, было “Высочайше утвержденное Положение о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия” [1: 261–266]. Известно, что это “Положение” было реакцией правительства на рост революционного движения и особенно убийство 1 марта 1881 г. императора Александра II. Уже ст. 1 документа гласила: “Высшее направление действий по охранению государственного порядка и общественного спокойствия принадлежит Министру Внутренних Дел. Требования его, к сим предметам относящиеся, подлежат немедленному исполнению всеми местными начальствами. Все ведомства обязаны оказывать полное содействие установлениям и лицам, коим вверено охранение государственного порядка и общественного спокойствия” [1: 261–266].

Ст. 2 устанавливала право министра внутренних дел при необходимости отменять все распоряжения “местных начальств”, кроме генерал-губернаторов и “главноначальствующих” (например, на Кавказе), на отмену приказов которых он должен был “испрашивать Высочайшее соизволение” через Комитет Министров или путем “всеподданнейшего доклада” [2]. Таким образом, по ст. 1 вышеуказанного “Положения” все прерогативы министра внутренних дел в этих районах “автоматически” принадлежали военному министру. Естественно, что и ст. 2 в них не действовала, поскольку военный министр мог отменить распоряжения туркестанского генерал-губернатора своим приказом, без обращения к Императору через правительство или посредством подачи “всеподданнейшего доклада”.

“Положение” от 14 августа 1881 г. вводило понятие “исключительного положения”, под которым понимались такие его разновидности, как “усиленная” и “чрезвычайная” охрана. Любопытной для исследования представляется ст. 5, гласившая: “Объявление местности в исключительном положении влечет за собой: а) усиление административной власти; б) усиление ответственности властей за неисполнение своих функций” [1: 262]. Ст. 6 вводила различия между понятиями “усиленной” и “чрезвычайной” охраны, поскольку в Русском Туркестане правительством вводились оба вида такой “охраны”. По “Положению” от 14 августа 1881 г., “усиленная охрана” вводилась в местностях, где ощущался дефицит эффективности применения действующих законов, а “чрезвычайная охрана”

вводилась там, где население было “приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка” [1: 262]. Положение “усиленной” и “чрезвычайной” охраны вводилось решением правительства, утвержденным Императором. Закон гласил: “При объявлении положения как усиленной, так и чрезвычайной охраны должны быть в точности определены местности, на которые распространяются исключительные меры, установленные сими положениями” [1: 262]. Согласно акту от 14 августа 1881 г., положение “усиленной охраны” вводилось на срок не более одного года, тогда как “чрезвычайной” – лишь на полгода. По истечении указанных сроков, министр внутренних дел (или военный министр) должен был подавать новое представление о продлении того или иного положения “охраны” на допустимые законом сроки через Комитет министров на “Высочайшее” утверждение. Отмена положения “усиленной” и “чрезвычайной” охраны осуществлялась также соответствующими представлениями через правительство на имя “Государя Императора”. Документ содержал и иные положения, среди которых была и ст. 21. Она определяла весьма широкие права полиции и жандармских управлений при положении “усиленной охраны”, что пытались использовать в своих интересах органы Департамента полиции МВД в Туркестанском крае, хотя Закон 14 августа 1881 г. ограничивал их права необходимостью обращения к местным властям и прокурорскому надзору.

В 1905 г. В.И. Ленин писал о царском “Положении” от 14 августа 1881 г., что с самого начала своего действия оно «стало одним из самых устойчивых, основных законов Российской Империи. Полиция получает, какие угодно права и полномочия... его “хорошие свойства” разбаловали самое полицию». Далее он отмечал, что народ за 25 лет привык к этому “Положению” и перестал его бояться. У нас складывается впечатление, что, скорее всего, в Туркестанском крае все население: и коренное – мусульманское, и переселенческое – русскоязычное привыкли к перманентному пребыванию в положении “усиленной” или “чрезвычайной” охраны [3: 331]. А это как раз подтверждают нормативно-правовые акты царской власти.

Следует отметить, что, как и ранее, в 80-х гг. Туркестанский край фактически постоянно находился на военном положении, при котором власти могли и без особых на то актов

свыше принимать любые меры как «усиленные», так и «чрезвычайные». В 80-х гг. экономика края находилась на подъеме: сказывались положительные результаты присоединения патриархально-феодального типа производства к России, в которой шел процесс пореформенного бурного развития капитализма. Торгово-экономические связи Туркестана росли. В Закаспийской области шло дорогостоящее, но интенсивное строительство военной железной дороги, запущенной в эксплуатацию тогда же. В это же время обострились отношения Российской Империи с Великобританией, которые едва не переросли в войну. Однако кризис был благополучно разрешен. В начале 90-х гг. возникло новое обострение англо-российских отношений по вопросу о Памире. Британская дипломатия хотела разделить восточную часть «Крыши мира» между Цинским Китаем и Афганистаном, игнорируя интересы России в регионе [4]. Постоянно пребывая в «чрезвычайных» условиях, военные власти оперативно выдвинули на Памир в 1891 г. отряд полковника М. Ионова и изгнали непрошенных «демаркаторов» границы. И с того же времени на «Крыше мира» стал действовать на постоянной основе русский «сменный» пограничный отряд [5: 335–341, 131–138; 6].

Мы думаем, что военная власть, осуществлявшая и функции гражданского управления, была оправдана в Русском Туркестане 70 – начале 80-х гг. XIX в. Однако с принятием в 1886 г. «Положения об управлении Туркестанским краем» (так называемое «военно-народное управление»), по сути, внешне сменилось административно-полицейским, по-прежнему осуществляемым военными. Органы многих ведомств – министерства финансов (казенные палаты и др.), почт и телеграфов, народного просвещения (гимназии, училища и т.п.) и т.п. имели свою административную «вертикаль» и нередко игнорировали указания военной администрации, ссылаясь на соответствующие нормы российского законодательства. Однако с введением правительством положения «усиленной» или «чрезвычайной» охраны, они были обязаны следовать распоряжениям военных властей, согласно ст. 12 и 13 «Туркестанского положения» 1886 г. Органы Департамента полиции МВД, подобно иным представителям «чужих» ведомств в Туркестанском крае (например, «казенным палатам» как органам министерства финансов), при объявлении его районов на положении «усиленной» или «чрезвычайной» охраны, по духу Закона 14 августа 1881 г., должны были тоже

подчиняться на месте генерал-губернатору, поскольку на территории края права министра внутренних дел принадлежали ему [7: 321]. Однако «Туркестанское положение» 1886 г., переведшее его на рельсы административно-полицейского управления выхолостило этот дух и, хотя край находился постоянно в положении «усиленной» или «чрезвычайной» охраны, органы «чужих» ведомств не испытывали особого нажима со стороны военной администрации, который мешал бы им исполнять свои функции. Да и сами туркестанские военные власти никогда к нему и не стремились.

Фактически, наиболее активно положение «усиленной» и «чрезвычайной» охраны в Туркестанском крае стало вводиться с начала 90-х гг. Дополнительным импульсом к этому стала реакция правительства на бунт мусульман в Ташкенте летом 1892 г. Бунт был следствием введения российскими властями усиленных санитарно-гигиенических мер, связанных с быстро распространяющейся эпидемией холеры в краевом центре и соседних с ним уездах. Военная администрация края запретила всякие массовые мероприятия в Ташкенте, не исключая молений в мечетях, «мазарата» (паломничества) к могилам местных «святых», временного закрытия базаров и т.п. традиционных скопления множества людей [8: 321]. Функции контроля за исполнением решений краевой администрации были возложены на «военную» общую и «туземную» полиции, формировавшиеся в городских аксакальствах – районах проживания мусульманского населения. Последнее было особо возмущено тем, что российские власти запретили традиционные массовые похороны умерших, а также то, что в могилы стали засыпать хлорную известь. Все эти меры относились к так называемому «врачебно-полицейскому надзору», осуществляемому военно-санитарным управлением Штаба Туркестанского военного округа и общей «военной» полицией Ташкента, возглавляемой начальником города полковником С.Р. Путинцевым. Понятно, что эти меры властей были оправданными и направленными на борьбу с распространением холеры. Их поддержала и часть мусульманского духовенства Ташкента во главе с шейхом Абуль Касим-ханом, умершим от холеры в том же году, а также ташкентская исламская интеллигенция. Часто гуманные мероприятия российских властей в Туркестане, в том числе и врачебно-полицейские, наталкивались на сопротивление необразованного мусульманского населения региона, подталкиваемое антирусски настроен-

ным консервативным исламским духовенством и турецкой агентурой, проповедовавшей идеи газавата. Подливала “масла в огонь” и агентура англо-индийских спецслужб, проникавшая в Русский Туркестан из Кашгарии. Деятельность враждебных, антирусских сил имела известный эффект, особенно в Ферганской области, на территории бывшего Кокандского ханства, где проживало наиболее фанатичное мусульманское население, еще не успевшее вписаться в систему привнесенных Россией новых форм экономической, социальной и иной жизни.

“Холерный бунт” 1892 г. в Ташкенте вынудил царское правительство ввести в Туркестанском крае положение “усиленной охраны”, причем срок его действия определялся законом на один год, фактически до конца следующего, 1893 г. Это было сделано по ходатайству тогдашнего туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Вревского, о чем свидетельствовал “Всеподданнейший доклад по Военному Министерству за 1892 год” [9]. Но, следуя Закону от 14 августа 1881 г., были четко определены районы, в которых вводилась “усиленная охрана”: Ташкент, Ташкентский, Чимкентский, Аулиеатинский уезды Сырдарьинской области и Ферганская область. Таким образом, в большинстве других районов Туркестанского края сохранялась обычная в правовом отношении ситуация. 12 января 1894 г. правительство приняло решение о продлении в этих районах положения “усиленной охраны” до 10 сентября того же года. 19 октября 1894 г., в связи с истечением срока действия этого нормативно-правового акта, правительство продлило такое положение в тех же районах. Таким образом, в большинстве уездов и областей Туркестанского края сохранялось обычное, повседневное положение [10: 6].

В правительственном документе от 3 июля 1900 г. к ним добавилась Самаркандская область, которая пребывала в соседстве с ними до 1906 г., так как правительственное “Положение” от 29 октября 1904 г. продлеvalo действие “усиленной охраны” в Ташкенте, в трех вышеназванных уездах Сырдарьинской области и в Самаркандской области до 10 сентября 1905 г. Но в феврале 1906 г. положение “усиленной охраны” было введено в трех уездах Семиреченской области и в двух уездах – Сырдарьинской, что накрыло “колпаком” всю эту область. Однако под ним оказалась лишь половина Семиреченской области, поскольку три уезда: Пржевальский, Копальский и Лепсинский не подпали под положе-

ние “усиленной охраны”. В марте 1906 г. к числу “некоторых местностей” Туркестанского края, где действовало положение “усиленной охраны”, присоединилась вся Закаспийская область. В 1906 г. в Туркестанском крае было впервые введено положение “чрезвычайной охраны”, но только в “полосе отчуждения” Среднеазиатской железной дороги и фактически на всех ее крупных станциях – от Красноводска до Ташкента, что было продиктовано революционными событиями в стране. По царскому указу от 29 июля 1909 г., “полоса отчуждения” на территории Закаспийской области была выведена из состояния “чрезвычайной охраны” и передана под действие положения об “усиленной охране”. В 1910 г. к “некоторым местностям” Туркестанского края, находящимся под такой “охраной”, прибавились еще русские поселки, расположенные на территории Бухарского ханства, находившиеся под российской юрисдикцией, а потому и причисляемые нами тоже к Русскому Туркестану. Таким образом, к началу Первой мировой войны под “некоторыми местностями” Туркестанского края, пребывающими в положении “усиленной охраны”, понималась фактически вся его территория, кроме трех вышеназванных уездов Семиреченской области. Следует отметить, что даже Андижанский бунт в Ферганской области в мае 1898 г. под предводительством Мухаммеда-Али, прозванного в народе “веретенщиком” (Дукчи-ишан), не привел российские власти к “чрезвычайщине”. Закон от 10 июля 1898 г. лишь продлил действие положения “усиленной охраны” в Ферганской области и несколько расширил права уездной “военной” полиции, но только по отношению к явным “возмутителям спокойствия”. Равным образом российское правительство в целом избежало введения “чрезвычайщины” в Туркестане и в годы первой российской революции 1905–1907 гг. Оно пошло лишь на то, что в документах о введении “усиленной охраны” в Туркестанском крае этого периода придало местному генерал-губернатору статус “Главноначальствующего”, что, по ст. 26 Закона от 14 августа 1881 г., могло иметь большое значение только для его коллег, находившихся в подчинении МВД и имеющих звания армейских генералов, тогда как Главный начальник края и без того совмещал функции гражданской и военной власти. Но пункт “с” ст. 26 вышеуказанного Закона подтверждал его “право устранять от должности на время объявленного положения ... чиновников ведомств, а также лиц, служащих по выборам в сословных городских и земских учреждениях”

[11: 265]. Такие права “Главначальствующего” у туркестанского генерал-губернатора просуществовали только до 17 марта 1909 г. Начиная со второй половины 1906 г. Положение об “усиленной” или “чрезвычайной” охране вводилось уже не Положениями правительства, утвержденными царем, а личными (“именными”) указами последнего. Это было связано с изданием царем 23 апреля 1906 г. так называемых “Основных государственных законов”. По ст. 87 “Основных законов” император имел право, по представлению Совета министров, “издавать указы законодательного характера в случаях, когда имела такая необходимость, а сессия Думы и Совета прерывалась. Но после открытия законодательной сессии в течение двух месяцев такой указ должен был вноситься на одобрение Думы, иначе он автоматически прекращал свое действие” [12: 499]. Если “Высочайше” утвержденные “положения” правительства о введении “усиленной охраны” в Туркестанском крае устанавливали срок их действия до 10 сентября следующего года, то в царских указах этот срок устанавливался немногим раньше – 4 сентября. При этом в них отмечалось, например, что положение “усиленной” или “чрезвычайной” охраны продлевается до 4 сентября 1911 г. “или по день издания нового Закона об исключительном положении, если Закон этот состоится ранее 4 сентября 1911 г.” [13: 1132].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что фактически перманентное состояние Туркестанского края в положении “усиленной” или “чрезвычайной” охраны в конце XIX – начале XX вв. было закономерно с точки зрения внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Пограничное положение края, соседствовавшего с такими странами, как Китай, Афганистан, Персия и своими протекторатами – Бухарским и Хивинским ханствами, жившими по средневековым законам и обычаям местного ислама; края, расположенного в 12 км от северных границ Британской империи в Индии, населенного (на 95%) коренным мусульманским населением, многие представители которого (особенно духовенство) были противниками пришедшей, российской христианской цивилизации; края, переживавшего рост националистического (армянского, польского, еврейского и проч.), революционного и сектантского (западного типа – баптизма, адвентизма, иеговизма и т.п.) движения – все это, а равно и многое другое требовало поддержания “военно-административного” режима с известным “полицейским” подтекстом, но, в сущности, более мяг-

кого, чем жандармско-полицейский порядок во всех иных регионах Российской Империи.

Туркестанская военная администрация проявляла несопоставимый с центральными губерниями либерализм во время пребывания края в положении “усиленной” или “чрезвычайной” охраны. И не только потому, что вокруг нее было исламское окружение. Многие военные администраторы Русского Туркестана придерживались “левых” убеждений. Туркестанский генерал-губернатор Д.И. Суботич, управлявший краем в революционные (1905–1906) годы, открыто произносил “зажигательные” речи, о чем свидетельствовал в Главном управлении Генерального штаба генерал-лейтенант Максимович [14: 39–42]. После чего Суботич был уволен. Вряд ли “революционность” туркестанского генерал-губернатора Суботича можно считать феноменом в истории России. Бывший помощник военного губернатора Ферганской области, действительный статский советник, крупный исламовед В.П. Наливкин, будучи избранным депутатом III Государственной Думы (1907–1912), сблизился в ней с социал-демократической фракцией, о чем писал В.И. Ленин. Позже В.П. Наливкин возглавлял Туркестанский край как комиссар Временного правительства и трагически погиб в 1918 г. Командир I-го Закаспийского железнодорожного батальона полковник Антипин, по отзыву популярной газеты “Новое время”, во время солдатского бунта в Асхабаде, в июне 1906 г., “разговаривая с нижними чинами, между прочим, заявил, что готов умереть с ними за Государственную Думу” [15]. На суде штабс-капитан Герасимов заявил, что такое поведение Антипина “истребило” доверие солдат к офицерам. Понятно, какие последствия для полковника-“левака” имело его “странное”, по мнению газеты, поведение.

Таким образом, есть основания утверждать, что вводимый царским правительством в Туркестанском крае режим “усиленной” или “чрезвычайной” охраны был по своему содержанию более не полицейским, а стабилизирующим фактором, позволявшим населению региона, его экономике жить и развиваться в относительно спокойной и благоприятной для эффективной деятельности обстановке.

Литература

1. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 1. Отд. 1. 1881 г. – СПб., 1885. – №350.
2. Свод Законов Российской Империи. Т. 2. Ч. 1. Общее Учреждение Губернское.– СПб., 1900.

3. *Ленин В.И.* Предисловие к брошюре “Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина” // ПСС. Изд.5-е. Т. 9. 1904, март 1905. – М., 1979.
4. *Литвинов П.П.* Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX вв. – Фрунзе: Наука, 1989.
5. *Литвинов Вяч.П.* Памирский отряд-форпост российской цивилизации в Центральной Азии (из истории пограничных войск России) // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы Пятой Всерос. науч.-практич. конфер. студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: РУДН, 2003.
6. *Литвинов Вяч.П.* Политическое значение Памира в международных отношениях конца XIX – начала XX в. // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. Материалы Пятой Всерос. науч.-практ. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: РУДН, 2003.
7. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Положение об управлении Туркестанского края”. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. 1886 г. – СПб., – 1888. – №3814.
8. *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). – Елец: ЕГУ, 2006.
9. *Милютин Д.А.* Всеподданнейший доклад по Военному Министерству за 1892 год. Отдел рукописей ГБ РФ. Ф.И-169.
10. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров “О продлении действия Положения об усиленной охране в Ферганской области, городе Ташкенте и Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-Дарьинской области”. 12 января 1894 года. – ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 14. Отд. 1. 1894 год. – СПб., – 1898. – №10247.
11. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 1. Отд. 1. 1881 год. – СПб., – 1885. – №350.
12. *Исаев И.А.* История государства и права России. – М., 2002.
13. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 30. Отд. 1. 1910 год. – СПб., – 1913. – №34213.
14. Краткое содержание записки генерал-лейтенанта Максимовича о волнениях в Туркестане и действиях генерал-лейтенанта Суботича. Разная переписка (1906–1908 гг.). – РГВИА. Ф.И-2000. Оп. 1. Д. 6929.
15. Новое время. – 1906. – №10971. 28 сентября – 11 октября.